

В О-круге и около —

отклик на книгу: Блэк Б. [Bob Black] Анархия и демократия. Перевод с английского А. Умняшова под редакцией С. Михайленко, предисловие С. Кудрявцева. Москва: Гилея, 2014. 264 стр. (Серия «Планы на Будущее».)

Написание рецензий и раздача оценок для меня не профессия и не хобби, и мне есть чем заняться помимо них: отклик вызван парой личных причин. Первая: пользуя книгу в качестве информационного повода, хочу дать нескольким небезразличным мне людям субъективное прочтение моментов общей действительности. Вторая: не раз в интернете встречал сообщения,²⁵ что любителей (и даже фанатов) Блэка в РФ хватает; за три года знакомства с его работами мне удалось обнаружить (в сети и/или оффлайне) троих, не без принудительного труда вписывающихся в названные категории: это переводчик рецензируемой книги, её издатель и Дмитрий Пименов, поэт, про которого от порядочных демократов я слышал или читал мнения того же рода, что и о Бобе: уебан, опасный мудака, фашист, придушил бы. Так вот: если у Блэка в России есть друзья²⁶ (не путать с апологетами), этим текстом желаю найти их. Теперь к прочтению.

25 Впрочем, есть мнение, что интернет «в настоящее время — первое прибежище негодяев». Разумеется, цитата адресована и тому, кто её привёл.

26 Предыдущее русскоязычное издание его работ *Анархизм и другие препятствия для анархии*, выпущенное «Гилеей» десять лет назад тиражом 1500 экземпляров, до сих пор не распродано. Если предположить, что у настоящих российских анархистов нет [желания тратить] 156 ₺ на книгу, почему бы им постепенно не переворачивать нераспроданные остатки? Тираж рецензируемого сборника — 650 экземпляров.

Книгу составили четырнадцать блэковских эссе²⁷ плюс предисловие издателя. С последнего и начнём.

Сергею Кудрявцеву, четверть века издающему тексты, имеющие непосредственное отношение к вопросам свободы (вышло уже более сотни ответов),²⁸ лауреату премии Андрея Белого в номинации «Литературные проекты» (2010), я не завидую: если ему не единожды и при том в книгах, что уместно назвать в числе ключевых, приходится просить не путать мистификацию и утопию, анархизм и анархию, пояснять, что язва желудка и ясность ума — не одно и то же, несложно подумать, что с аудиторией всё очень плохо. Подумав (т. е. соотнеся с личным опытом), подтверждаю без отчаяния: деятельность «Гилеи» видится мне не только издательским проектом, но и (не в последнюю очередь) серьёзной критикой российских культурных и политических реалий; всё это — помня мысль философа: «Если критика действительно хочет выйти за пределы спектакля, она должна *научиться ждать*»;²⁹ Философ тот вписан в Историю писателем-эссеистом, режиссёром-авангардистом, алкашом-ситуационистом; хотя более точным и ёмким именем было бы слово *стратег*, которое, кажется, вполне применимо и к Бобу, модернизированным катком ситуационистской критики гуляющему по невежам-рецидивистам, пойманым в собственные капканы (коиими ныне

27 Разоблачённая демократия · Анархия и демократия: непреодолимая пропасть · Азбука анархизма · Тезисы об анархизме после постмодернизма · Анархизм после обамании · «Самосуд». Преступление как анархистский источник общественного порядка · Анархистский ответ на «Анархистский ответ преступности» · Правосудие: первобытное и современное · Мюррей Букчин и знахари · Детская болезнь технофилии · О Стивене Хокинге · Приматы гнева · Брауновское движение · Ещё раз о нульработе.

28 И всё же подчас создаётся впечатление, что вся эта невероятная работа — всего лишь междусобойчик «для своих», о чём невольно подумалось, глядя на печально-светлое посвящение рецензируемой книги Виктору Вдовину, товарищу сотрудников издательства, умершему четыре года назад в возрасте 27 лет.

29 Цитирую по книге: Ги Дебор. *Общество спектакля*. Перевод с французского А. Уриновского. Без места: Опустошитель, 2011. Стр. 114.

загажены все информационные тропинки и магистрали. Этот конфликт вижу так: имярек просрал кусок собственной жизни, а образовавшиеся внутри пустоты, осознанно или нет, пытается заполнить чужими вниманием/временем/деньгами, да ещё называет сию деятельность революционной: вонь, испускаемая собственной персоной, обычно не кажется мерзостью, напротив: приятно щекочет нюх. Вдруг из маминой [мама-анархия] из спальни является Боб, объясняет присутствующим, от кого и почему так несносно смердит, после чего не унимается, но превращает присутственное место в анатомический театр, где присутствующие вскоре начинают себя ощущать научно разоблачёнными говнюками, на которых вот-вот обрушится архитектура системы, столько веков скреплявшая их кровавым поносом ментального и физического террора. *А ведь было уютно!*) Возвращаясь к содержанию, первым делом палишь: сколь «анархов» и «преступности»!.. Ебануться. Быстро пролистав тексты, можно поддаться недоумению: причём тут я? Ну, докучливый Букчин, рекламный проспект о развитии анархизма, барак этот... Хуссейн Обама, Бостонский зоопарк, нескучающий Браун,³⁰ внеурочная нульработа... ну_а_я_тут_при_чём?

Если мной верно понята суть, Блэку не в жилу всякое невежество-с-претензией-на-влиятельность. Казалось бы: после стольких веков Просвещения можно и перестать принимать на веру всё без разбора. Ан нет. В нашем до отказа мозгов образованном обществе по сей день — секта на секте, и в каждой — добрые злые граждане с наслаждением верят: в любовь, либеральные ценности, Кришну, анархию, демократию, смерть, новоизбранного президента, победу мировой революции, закон сохранения энергии, жизнь после секса... Стоп, да что дурного в том, чтобы верить? В ту же любовь, например? То же, что в вере в Царя и Отечество: не только убеждённости в существовании (истинности), но и — *в неизбежности*. Отменяется необходимость проверки отдельных положений такой убеждённости, выяснения

30 Имеется ввиду Билл Браун и его нерегулярно (но более тридцати лет) выходящий журнал *Not Bored!*, на веки вдохновлённый ситуационистами.

природы её возникновение, нередко — даже актуальности своей формы в меняющихся условиях.³¹ Привет, политическая инертность... Но ведь the personal is political!!! Тем не менее, даже причисляя себя к думающим-врубчивым в то, «как всё устроено», видеть противоречия в омуте мнений трудно и страшно: «...я хочу нормальности, средней температуры, нормальной экономики. Это то, что нужно *всем* людям. Это то, что нужно предоставить, а потом уже человек решит, что ему с этим делать. Отказаться или что вообще. Как говорят: нахуй нам рыба и хамон, мы и так без них жили и проживём; обидно не когда отказываешься, обидно, когда не предлагают. Нет. Завтра постареешь и не сможешь ни бороться, ни работать, появятся болезни или вдруг родится ребёнок с патологией, или родные начнут болеть-умирать...» Дело осложняется тем, что какой отрезок российской истории ни возьми — демократии мы и не нюхали: легко поддаётся впечатлению, что проблема в конкретном президенте / коррупции / долгах / дорогах / некоторых законах или чинушах... короче, в искажённости местной версии в сравнении с западными образцами. (Помнится, не так давно здесь наблюдалась «искажённая» версия социалистического государства... или что это вообще было?)

Первые две статьи сборника (более пятой части его объёма) сообщают: для рядового жителя государства демократия отличается от диктатуры едва ли не в худшую сторону. Причин — пачка. Так, например, «честные и состязательные выборы», один из основных признаков демократического режима, самой своей природой обеспечивают подчинение одной части населения другой его частью (последняя — далеко не всегда большинство, но это не самое важное), что при ближайшем рассмотрении оказывается фактором, куда больше подавляющим волю и независимость мысли, чем произвол монарха/олигархической

31 Отмечу, что речь не о вере вообще — сложном и многоликом явлении, а об описываемой (надеюсь, достаточно ясно) распространённой её формации. Что до любви, то ведь можно признавать простой факт существования, говоря, например: я испытываю некое чувство, и мне удобно/приятно называть это любовью.

кучки. Голосовал за проигравшего? Отказался голосовать? Вне зависимости от степени несогласия — исполняй предписания.³² Не обещанная коллективность принятия решений с *равным воздействием* участников на исход процесса или его существенные стадии, но формула «молчание — знак согласия», столь удобная жаждущим *поймать*. Насилуй перебравшую с алкоголем девушку: ведь её согласие быть жертвой обеспечено тем, что явилась в тусовку и накидалась — логично, не правда ли? Указывая мне, что делать: ведь моё согласие быть управляемым обеспечено тем, что родился и вырос в стране, из которой не удосужился эмигрировать — логично, не так ли? Но *валить некуда!* Подробно разбирая репрессивную и шизофреническую механику демократии (не только «представительной», но и «прямой»,³³ нередко пользующейся симпатиями разного рода «борцов за свободу»), Блэк не столь эмоционален и формулирует чётче: «Единственной сверхдержавой в мире (на данный момент) является демократия. Демократичность этой сверхдержавы и есть источник её силы, потому что она представляет в ложном свете законность государственной власти. Демократия нигде не является угрозой для статус-кво, потому что почти везде она сама и есть идеология статус-кво».³⁴ Геноцид в Руанде? война в Ираке? Сомали? конфликт в Южной Осетии? гражданские войны в Сирии или на Украине? — РФ и США, ООН и НАТО, Евросоюз и Малайзия — все за демократический порядок (трухлявый СССР тоже вечно был «за»). Именно потому, что такой порядок — политическое убежище капитализма любой марки: олигархической, анархической, героической... любой! Убийства и унижения могут продолжаться и сегодня, в любом месте и любых объёмах, если

32 Не могу не вспомнить фразу, приписываемую (источник не нашёл) К. Воннергу: «True terror is to wake up one morning and discover that your high school class is running the country».

33 «От себя» вписал бы сюда и «электронную», кажется, слабоосознанную, но весьма популярную, на примере которой вскрываемые Блэком противоречия становятся ещё более очевидны.

34 Страница 61 рецензируемого издания. Далее — стр. рец. изд.

они не мешают увеличению прибылей. Короче, из векового опыта построения демократий должны быть сделаны минимум два вывода: 1) демократия, наравне с любой известной формой государственного устройства, не обеспечивает охрану человеческого достоинства; она — не меньшая бесчеловечность, чем диктатура; 2) война допустима и в XXI веке (экологически чистые вакуумные бомбы, йоу!); материальные и человеческие потери — необходимая жертва капиталистической энтропии.

Появление в тени этой темы целой плеяды угоревших по анархизму *профессоров*, заявляющих, что анархия — это, на самом деле, такая демократия,³⁵ не удивительно: капиталистическое отечество в опасности, а значит необходима нейтрализация / присвоение любых реально революционных тем. В сборнике таким персонажам достаётся изрядно. Больше прочих — Мюррею Букчину, хотя не менее разгромной критики достойны и Ноам Хомский (блистательный лингвист с логикой «этого не может быть, потому что не может быть»³⁶) или Дэвид Грэбер (текстами вроде «Are you an anarchist? The answer may surprise you!» дающий возможность любому клерку почувствовать себя крутым революционером³⁷). Можно подивиться энтузиазму, встречающему их теории, если не помнить о фундаменте логических построений подавляющего большинства добропорядочных революционеров: ассоциации, аналогии, авторитеты. Главное — выполнить домашнее задание: анархист(ка), феминист(ка), марксист(ка) — выбирай что хочешь — ты наш(а), если знаешь все правильные слова. Печально или безразлично, но приступы

35 Подробнее о тезисе: стр. 44–45 рец. изд. Об инверсиях того же рода см., например, статью *Новое имя фашизма: национал-анархисты* в брошюре: Вирно П., Кайндль К., Саншайн С. *Три текста о новом фашизме*. Перевод с английского А. Скидана, К. Харитоновой, В. Граевского. Москва: Свободное марксистское издательство, 2011. 36 стр.

36 Интересующимся предлагаю самостоятельно ознакомиться с историей его конфликта с исследователем Дэвидом Эверетом по поводу языка племени пирахã.

37 Правда, и сам Блэк порой впадает в довольно похабную рекламу анархизма (см., например, фрагмент *А как насчёт культуры?* на стр. 76 рец. изд.).

ура-оппортунизма у таких леваков по всякому серьёзному вопросу (идёт речь об избрании темнокожего президентом или о падении малазийского боинга — уже не суть) — более чем вековая традиция. И хотя Блэк, похоже, такой же дружбан англоязычным анархо-авторитетам, какими были пикарты таборитам (перед тем, как последние устроили первым публичное сожжение), он не пылает желанием занять местечко палачей — дабы спокойно выстраивать свою единственно верную концепцию анархизма и/или проект Будущего. Он не настолько огромный дурак, чтобы радоваться одному только виду буквы А в кружочке или следовать логике типа «группа — веганы, придерживаются *diy*-этики = пиздатая группа». И обвинения в жульничестве не прокатывают: определив базовые понятия, Блэк сразу «выкладывает карты на стол» (к чему призывает и остальных), ничуть не стесняясь говорить прямо³⁸ или указывать на очевидное, которое из-за своей очевидности часто выпадает из общего внимания. Отталкиваясь от простых тем, вроде «у меня в уме опытная догадка — чем больше контроля, тем меньше порядка», но вооружившись серьёзным научным аппаратом,³⁹ Боб разрабатывает актуальную (даты указаны не ко всем текстам, но многие написаны в 2009–2012 годах *и это хорошо чувствуется*) теорию, не только помогающую артикулировать собственные соображения, объяснить себя другому⁴⁰ *сегодня*, но и обнажающую те узлы системы, саботаж которых может ускорить её обрушение под собственным весом.

Так, особое внимание в сборнике уделено современному правосудию, его новым и старым революционным альтернативам в «примитивных обществах» и самому понятию преступления

38 Не самый удачный пример, зато мило: «Малатеста — самый почитаемый мною классический анархист. У него всё правильно». Стр. 66 рец. изд.

39 Взглянуть хотя бы на количество библиографических ссылок в наиболее «трудных» текстах сборника: Разоблачённая демократия — 76; Анархия и демократия: непреодолимая пропасть — 51; «Самосуд». Преступление как анархистский источник общественного порядка — 66; Мюррей Букчин и знахари — 84.

40 См. «Азбуку...» на стр. 70–86 и/или «Тезисы...» на стр. 87–92 рец. изд.

в свете анархических мировоззрений.⁴¹ И хотя тема развёрнута Блэком в меньшей степени, чем критика демократий, мне представляется бессмысленным пересказывать её поэзией лозунгов или пилить торопливые выводы: много тонких моментов, требующих чёткого соотнесения с местными реалиями. Отмечу лишь пару частных наблюдений. Первое: за свою (пусть не очень долгую) жизнь я *ни разу* не встречал случая, когда бы полиция (милиция) оказывалась занята полезной работой. Существует (опять довольно абстрактная) вера в необходимость полицейского аппарата, которая не подтверждается практикой. Так Блэк, ссылаясь на исследования, говорит: «О половине из всех преступлений вообще не сообщается полиции».⁴² И тут же вспоминаю, что, например, у моей матери трижды подрезали сумку с ценными вещами, один раз обворовывали квартиру, но в милицию она обратилась только в последнем случае (разумеется, безрезультатно). Это помимо объёмистого перечня столкновений с согражданами по административке, когда в правоохранительные органы также никто не обращался. А уж описание правонарушений, которые сам претерпел по жизни от копов и ментов – без бзды – заняло бы больше места, чем весь очерк. Второе: не раз встречавшееся мне одобрение идеи народных дружин или народной милиции в качестве альтернативы полицейским структурам. (Желательным примером приводят даже казачьи патрули!) Блэк чётко высказывается по этому вопросу в «Анархистском ответе на „Анархистский ответ преступности“»;⁴³ я же и здесь ограничусь всего одним «воспоминанием»: вооруженные отря-

41 Хотя Боб, по замечанию А. Бренера и Б. Шурц, «...успел подумать о многом – чуть ли не обо всём, о чём пристало думать подлинному анархисту» (Рецензия на «Анархизм и другие препятствия для анархии» Боба Блэка, Критическая Масса, 2004, № 2), важно отметить, что размышлять о правосудии – часть его профессии: Блэк окончил юридический факультет Джорджтаунского университета и имеет не менее трёх магистерских степеней (по уголовному праву, социальной политике, юриспруденции) других университетов США.

42 Стр. 131 рец. изд.

43 Конкретно: на стр. 148–150 рец. изд.

ды итальянских фашистов (действовавшие в 1920-е – начале 1940-х) называли себя «добровольной милицией национальной безопасности». Вот так. Повторю, что сказано это всё в личном порядке: общие опровержения (подтверждения) – задача специалиста; я же интересуюсь книгами постольку, поскольку те помогают осмысливать и менять в желанном ключе мою повседневность. С этой мыслью ещё несколько вольных замечаний по нетронутым выше текстам и – баста!

«Мюррей Букчин и знахари». Т. е. сталинизм versus шаманизм. Спрашиваю знакомую: «Что ты мне про шаманов можешь сказать?» Получаю ответ: «пацаны ваще ребята». Ясно, что в этом деле она понимает несопоставимо больше М. Б. Кто его вообще читает?! Сартро-мазохисты? Дети Геббельса? Обама с Шойгу? На его могиле надо бы написать: «Люди, я не любил вас: будьте бдительны». Впрочем, здесь я несправедливо предвзят: у самого неоконченное шаманское образование. Очерками «О Стивене Хокинге» и «Детской болезни технофилии» Блэк избавил меня от необходимости самому их писать (упразднение работы в действии!): подустал толкаться с поборниками всяческой пост-науки, коим разрозненная коллекция свежих фактов и гипотез здаёт иллюзию причастности к Знанию и надежду, что из сегодняшних дивизий зомби технический прогресс выкует доброе-разумное-вечное киберчеловечество.⁴⁴

44 Не удержусь от известной цитаты: «Раб, сознающий своё рабское положение и борющийся против него, есть революционер. Раб, не сознающий своего рабства и прозябающий в молчаливой, бессознательной и бессловесной рабской жизни, есть просто раб. Раб, у которого слюнки текут, когда он самодовольно описывает прелести рабской жизни и восторгается добрым и хорошим господином, есть холоп, хам. Вот вы именно такие хамы, господа [...] Вы с омерзительным благодушием умиляетесь тем, что [...] поддерживавший контрреволюционное правительство, был образованный и гуманный человек. [...] Ваши слова о свободе и демократии – напускной лоск, заученные фразы, модная болтовня или лицемерие. [...] ...а вся ваша образованность, культурность и просвещённость есть только разновидность квалифицированной проституции». *В. И. Ленин*. Памяти графа Гейдена / Ленин В. ПСС. Том 16. Москва: Издательство политической литературы, 1973. Стр. 40.

При чтении «Приматов гнева» не оставляла грустная улыбка, а в голове бродило одно из любимых стихотворений:

На днях ходил в зоопарк, читал стихи животным.

20 лет мечтал об этом, да как-то всё не решался, не получалось настроиться, и вот наконец сделал это.

Очень хорошо слушали – жираф, журавль, страус. Неплохо слушала лама. Тапиры – вполуха.

Я, конечно, не всем читал: многие были далековато, или за стеклом, или просто не проявляли интереса.

До многих (в частности, до змей и обезьян) не добрался, устал.

Обязательно ещё несколько раз пойду.

Жираф просто потрясающе слушал, очень лично и осмысленно.

Опустил лицо прямо к моему лицу (хотя вокруг было полно народу), смотрел мне в глаза и слушал очень внимательно, обдавая меня сильным жарким дыханием.

...Ах, да: ведь было же некоторое количество Критики в адрес Книги! Скажем, вот: повторение в нескольких статьях целых кусков текста, примеров и цитат, что, возможно, и было обусловлено /оправдано тем контекстом, в котором статьи впервые появились, в книге заметно напрягает.⁴⁵ На этой волне мне даже подумалось, что сборник чем-то похож на документальный роман с одними и теми же «действующими лицами» (Уайльд, Черчилль, Букчин, Малатеста...) и сюжетными петлями от «главы» к «главе», что, на мой взгляд, не лучшим образом влияет на восприятие материала. Могу блеснуть и полупрофессиональным недовольством типографикой, да вот... что же сказать о «Брауновском движении», чтобы в него не влиться?

Последнее. Книга меня разозлила – на себя и на тебя; на недовольство, что непременно должно нивелироваться общей установкой «радуйся миру» и /или тому, что сегодня зарплата и /или

45 Особенно учитывая, что: «Составление Б. Блэка и книгоиздательства «Гилея». Тексты нескольких статей были заново отредактированы автором для настоящего издания». (Стр. 4 рец. изд., курсив мой – П. П.)

что просто пьяненький; на мир, где вопросы о счастье, мечте,⁴⁶ свободе, человеческом достоинстве воспринимаются факультативными — на уровне классного часа в младшей школе. Книга также напомнила, что нет слов, подвигов, элементов, которые не могли бы создать систему, столь удивительно противоречащую изначальному замыслу (в том числе призывающему к восстанию, преодолению, разрушению); что единственное слово, которое превращает в непролазную топь все узоры, нанесённые человечеством на поверхность планеты — это рабство.

«Анархия и демократия» пока только вторая книга Блэка на русском языке. Первая встретила массу препятствий на пути к умам читателей, породив лишь фемистернику (шириной в милю и глубиной в дюйм) очерком «Феминизм как фашизм», бесчисленное количество перепечаток «Упразднения работы» (похоже, без сколько-нибудь серьёзного осмысления и последствий) и тупой снобизм динозавров вроде Автономного действия (по хроническому скудоумию продолжающих путать анархизм с анахронизмом). Но от новой книги легко не отмахнёшься: если первый сборник был эдаким бумажным факом, то второй — бумажный кулак. (Пardon за дурное рифмоплётство.) И, по-моему, это всё, чего можно требовать от серьёзных книжек. (Которые разве не для того только пишутся, чтобы острее чувствовать и реализовывать разницу между бумагой и мясом, кулаками и вымыслом?) Мне нравится думать, что после этих двух книг моя мысль перестала быть прежней и никогда уже таковой не будет.

Поп Плюк,

меж 12 и 18 ноября 2014 г.

46 К слову, проводил небольшой опрос на тему «кто о чём мечтает»; наиболее популярными ответами были «не знаю / не думал об этом» и «делать, что хочешь и получать за это деньги». Никто не обнаружил интереса к тому, чтобы просто делать, что хочешь.